

²¹ Лебедева Н. И. Этнографическая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960 (Труды Института этнографии АН СССР. Т. 57). С. 264–265.

²² АКНМ ВГАИ. ОА. Ед. хр. 706. № 16–17; 769. № 14; 772. № 16.

²³ Чижикова Л. Н. Указ. соч. С. 146–147.

²⁴ Лебедева Н. И. Указ. соч. С. 264.

О. В. Трофимова

**ТЮМЕНСКАЯ ДЕЛОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ 1762–1796 гг.
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА**

Современная лингвистика все чаще включает в сферу своих исследований деловой текст — сегодня формируется такое направление, как документная лингвистика (в частности, подобная дисциплина есть в учебном плане подготовки студентов по специальности “Документоведение”). Однако становление этого направления гуманитарных исследований осложняется тем, что на сегодняшний день не сложилось отношение к документу, в частности к рукописному документу, как к комплексному источнику — носителю информации в разных сферах социальной и личной жизни человека, общества и государства. Одной из актуальных задач лингвистического анализа документа в связи с этим является выработка методики анализа конкретного источника как феномена цельности формуляра и его текстового наполнения.

Воспринимая письменный источник, который когда-то был создан человеком и запечатлел образ мира своего создателя, любой исследователь создает в результате своих наблюдений текст — то есть новый источник, отражающий новый этап познания и собственное я исследователя в новой форме мышления. Это мышление лишь “частично переводится” в другие формы, присутствующие другим исследователям, как современникам, так и предшественникам и потомкам. Очень важны в этом контексте замечания филологов, призывающих учитывать возможную омонимичность слов в результате фактора времени. Так, В. В. Колесов пишет, в частности, о словах *рабь* и *холопъ*, что “современный историк, понимая древнерусское слово как однозначный

термин, напрямую связанный с понятием, не увидит за этим словом ускользающего в стилистических вариантах словесного образа или символа: он объясняет свое понимание референта, не расшифровав денотата и забыв о десигнате"¹; А. П. Майоров обращает внимание на функционально-стилистическое переосмысление славянизмов в деловом письме XVIII века².

Проблема интерпретации любого текста, в том числе рукописного исторического источника, в большинстве архивов представляющего собой деловой документ, встает сегодня и перед исследователями-гуманитариями, и перед архивными работниками, создающими современные поисковые информационные системы, и перед публикаторами. Одна из основополагающих причин этого – "наличие двух языковых картин, накладывающихся друг на друга: современного исследователя и автора памятника как представителей языковых личностей двух разных эпох. При этом очень важна позиция "внеаходимости" исследователя, "понимания им того, что он изучает другую культуру, находясь вне ее. Он отделен от предмета своих наблюдений как временем, так и по существу, – он принадлежит к другому ментальному универсуму, с иным историческим опытом, с собственной перспективой" (А. Я. Гуревич). "<...> Преемственность языка возможна благодаря тому, что сохраняются национальная когнитивная база, отобразенная в инвариантной базовой части национального языка, культурные доминанты – общеязыковые концепты"³. Обратим внимание: *преемственность языка, а не тождественность.*

В современных отечественных гуманитарных исследованиях, с их активным обращением к проблеме субъекта, текст становится актуальным объектом анализа не как статичная единица языковой (или какой-либо другой) системы, а как динамичный процесс и в момент порождения, и в момент перцепции. Явившееся следствием развития когнитивной лингвистики понимание процессной организации дискурса, то есть того, что дискурс является воплощением речевой деятельности, позволяет исследователям ввести в современную научную парадигму термин *дискурс* применительно к древнерусским памятникам⁴, в том числе и деловым⁵. Мир как совокупность дискурсов включает в себя и такой модусный дискурс, в основе которого лежит ценностное сознание, как аксиологический политический и правовой⁶, административный⁷, деловой, теория которого является одним из активно развивающихся направлений лингвистики⁸. Вспомним в этой связи рассуждения М. М. Бахтина о памятниках деловой

письменности, традиционное изучение которых как "мертвых текстов" противоречит самой сути создания письменного документа — памятника, который "продолжает труд предшественников, полемизирует с ними, ждет активного, отвечающего понимания, предвосхищает его и т.п. Всякий памятник есть реально неотделимая часть или науки, или литературы, или политической жизни. Памятник как всякое монологическое высказывание установлен на то, что его будут воспринимать в контексте <...>, т.е. в становлении той идеологической сферы, неотрывным элементом которой он является"⁹.

Таким образом, "дискурсное" обращение к памятникам местной деловой письменности, воспринимаемым в качестве фрагмента общегосударственной системы делопроизводства, перспективно для решения многих задач, и одна из важнейших на современном этапе гуманитарных исследований может быть последовательно сформулирована следующим образом:

— применяя принципы лингвистического анализа текста к документу, воспринимаемому и как отдельный законченный, цельный связный текст, и как фрагмент "сверхтекста" (в отношении к жанровому образцу), и как элемент документооборота (ср.: первичный, вторичный и т.д. тексты, предназначенные для свертывания и хранения информации), определить лингвистические средства представления информации, актуальной на момент создания документа;

— выявить коммуникативные намерения участников ситуации делового общения и особенности их тактики, влияющие (при учете записавшим текст документа писцом сложившихся традиций в представлении и описаний прецедентных ситуаций) на лексический отбор и синтаксический строй документа;

— при анализе конкретных документов воссоздать их "сценарии", зависимые от реальных ситуаций, социальных ролей и отношений коммуникантов;

— проведя наблюдения над лексикой, морфологией и синтаксисом документов, определить их обусловленность эстралингвистическими причинами порождения документа той или иной жанровой разновидности.

Обратим внимание на то, что использование термина "жанр" — "чисто филологического понятия", под которым понимается "класс документов, объединенный общей текстовой модальностью"¹⁰, оказывается перспективным для исследования памятников деловой письменности, с учетом "антропологического фактора" человека пишущего, создающего (с разной степенью при-

близения к "идеалу") текст на литературном языке. Жанровая дифференциация письменных источников всегда была важна в исследованиях по истории языка: на зависимость как существования, так и характеристики того или иного лексического или грамматического элемента языка от выбора материала исследования обращали внимание Э. И. Коротаева, П. С. Кузнецов, Л. А. Булаховский, П. Я. Черных, М. Н. Преображенская и другие авторы, посвятившие свои исследования русским источникам, как правило, до XVIII в. Переломный же во многих отношениях XVIII в. характеризуется кардинальными изменениями "в характере исторических источников, в видовой структуре их комплекса. <...> Существенно меняется характер законодательства, актов и материалов делопроизводства. <...> В качестве системообразующего фактора выступает изменение соотношения обычая и закона как источника права"¹¹. О подчинении документа, как и всякого юридического явления, "законам формализма" по мере развития общества и государства и, следовательно, об изменении как формуляра, так и содержания документа писал с позиций дипломатиста, изучающего изменение, эволюцию документа, М. Н. Смирнов: "Когда закон стал регулировать и изменять обычай, когда всеохватывающая норма предписала правила составления документа, когда центральное правительство, олицетворяя закон, обязало все подлежащие инстанции составлять документы по выработанным образцам — тогда, конечно, документ перестал быть живым меняющимся организмом и превратился в неподвижный формуляр, ничего не говорящий дипломатисту. Эта выработка образцов усиленно проводилась с Петра, некоторые отдельные виды документов были нормированы и раньше. Хотя, конечно, свободное составление документов кончилось не Петровым царствованием. Оно имело место и в эпохи позднейшие"¹².

Определенная "свобода" документа существует еще и потому, что, по словам М. Н. Смирнова, "всякий документ есть и литературное произведение, принадлежащее одному лицу, стилю и мышлению которого, конечно, свойственны и различные особенности", причем русские документы "особенно богаты особенностями" личностного свойства: импровизациями, литературными вольностями, небрежностями, местными особенностями, неправильным представлением о юридическом значении тех или других слов и т.д."¹³. С позиций лингвиста, изучающего документ, проявление личного начала в деловом тексте довольно широко и значимо. Так, Н. И. Тарабасова отмечала: "Трафа-

рет не являлся препятствием для выражения самых разнообразных мыслей пишущего. Он не давил на содержание. <...> В рамках одного и того же трафарета свободно функционировал и официальный язык, и повседневная разговорная речь. По-видимому, в подобных случаях можно говорить о стилистических разновидностях одного и того же типа документов, а к рассуждениям о том, что актовая письменность прошлого очень однообразна, шаблонна <...> следует относиться с осторожностью"¹⁴. Лингвистический анализ текста документа, направленный на обнаружение "каузально обусловленной" лингвистической составляющей документа, зависим, таким образом, от требований трафарета (формуляра), на следование которому при составлении конкретного документа влияла канцелярская выучка писавшего; от "возраста" того или иного жанра документа в системе делопроизводства ("чем моложе документ, тем он более конкретен, тем больше в нем описаний и тем менее отвлеченности"¹⁵); от личных особенностей писавшего; но в первую очередь от цели, "ввиду которой акт составлен", определяющей, как считал А. С. Лаппо-Данилевский, "то, а не иное соотношение его элементов", и от "интереса, удовлетворению которого он служит"¹⁶.

Л. А. Глинкина пишет о местных рукописных деловых документах XVIII в.: "Это уникальный материал для сравнений и суждений о степени их нормированности и локальных особенностях, об оригинальности и "реминисценциях" в местных документах в виде пространных и коротких цитат из столичных деловых бумаг, о жанровом многообразии, специализации клише, документообороте и др. <...> Опора на уже выполненные частные и общие описания деловых текстов донационального периода и времени формирования его новых норм в XVIII веке — это, на наш взгляд, сегодня самый продуктивный путь установления стилистического и текстологического своеобразия делового языка переломного этапа, каким было для русского национального языка в целом бурное XVIII столетие"¹⁷. Среди частных описаний национального языка XVIII в. в его региональных вариантах можно назвать описания южноуральской¹⁸ и тюменской¹⁹ деловой письменности. Материалом исследования тюменской деловой письменности являются рукописные (скоропись) документы из фондов ГАТО, относящиеся к периоду правления императрицы Екатерины II (датированные начиная с 5 июля 1762 г. по 17 ноября 1796 г.), размещенные в 189 делах 11 исторических фондов.

Среди вводимых в научный оборот документов — и впервые

публикуемые ниже подписки тюменских жителей, призванных на военную службу против “злодейской толпы” под руководством Е. Пугачева, данные коменданту города А. П. Устьянцову. В нашем распоряжении оказались 4 подписки, написанные разными почерками, датированные 18, 20 и 22 марта 1774 г. Сопоставление документов показало, что в основе подписок лежал единый трафарет. Следовательно, лексико-грамматическая структура текста “родилась” в стенах комендантской канцелярии и в этом аспекте не является отражением устной речи (которую может трансформировать в соответствии с правилами речи письменной канцелярский писец, как это происходило, например, при написании протоколов допросов и очных ставок)*. Документ в незначительной степени отражает фонетические особенности устной речи:

1774 годи марта 18 дня сотники Михаило | Санапалников
Ефимъ Переваловъ Гаврило Галецкой | Дмитриеи Опрокиднєвъ пе-
тидесятники Степанъ | Юрьєв Григорєи Ершевъ Прокопєи
Парфєновъ | Василєи Гилєвъ Иванъ Зырянєв здєсятниками | иде-
сєтчєчєнєми дали сию подписку гдину подпол | Скєвнику игорода
Тюмени коменданту Андрею | Петровичю Устьянцову втом что
мы =S | сєго числа отпущєны вдомы свои акогда | мы будємь
спрашивєны своєи братиєю тако | Свѣм же выписнѣмь вгород на-
смену жєтчєго = боже сохрани | нанєчаєнной случєи то мы |S
какъ скоро услѣшим повєску то в самую | ти минуту кѣго вы-
сокоблагородию явимся | в самой скорости вчємь и подписуєм-
сє** = S к сєи подписке вѣместо пєтьдєсятника | Григорья Ер-
шевєа прозьбєи єво и за сєбя | сотникъ Ефимъ Перєваловъ рику
прилоS | жилъ к сєи подписке сотникъ Михаило | Санапалниковъ
рику прило | жилъ | питидєсятник Степан Юрьєвъ | рику при-
ложил*** [ГАТО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 763а. Л. 29].

Следующую подписку публикуем в связи с тем, что она написана собственноручно сотником Сергеем Субботиным и, следовательно, демонстрирует грамотность рядового тюменского жителя, который в большей степени, чем писец предыдущей подписки, “подвластен” фонетическому влиянию устной речи:

1774 года марта 20 дня сотникъ | Сергей Сиботинъ пєтидєсят-

---

* При публикации документа сохраняем графику, орфографию и пунктуацию оригинала. Конец строки обозначаем знаком |, выносные (надстрочные) буквы печатаем курсивом. Большую букву вводим в текст при написании имен собственных.

** Каждая подпись далее новым почерком.

*** Текст далее практически утрачен.

никъ Яковъ Зыря | Сновъ з десятниками дали сию потписку | Сгосподни потполковники и города Тюмени | комендату Андрею Петровичу Устьянцо | Сви втомъ что мы сего числа отпшены в домы свои акогда мы будемъ спра | Сшиватца своеи братиею таковымже | выписнымъ в горотъ насмену иотчего | боже сохрани нанечаенои случаи то мы | какъ скоро услышимъ повески то вса | Смю ти минути кьего высокоблагоро | Сдию явимся всамои скорости вчемъ | ипотписуемъ ксеми пими сотникъ S Сергеи Сиботинъ руку приложилъ* петидесяникъ Яковъ Зыряновъ руку приложить [там же. Л. 30 об.].

Начальный протокол документа содержит: 1) реквизит "дата"; 2) номинацию адресантов; 3) оборот "дать подписку", который в контексте документа выступает в качестве перформативного "расщепленного сказуемого" в форме прошедшего времени (с ним соотносится перформативный глагол в "традиционной" для перформативов форме настоящего времени *подписуемъ* в конечном протоколе); 4) номинацию адресата; 5) указательное местоимение *в том*, "вмещающее" в себя содержание основной (и в отношении подписки как жанра – свободной части текста, зависимой от конкретности типизируемой экстралингвистической ситуации). В плане синтаксической структуры текста начальный протокол можно рассматривать как главную часть сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным, функцию которого выполняет основная содержательная часть (между соотношенными местоимениями *в том – в чем*). Обращаем внимание на значение категории синтаксического лица – в начальном протоколе (в отличие от продолжения текста) это 3 синтаксическое лицо; следовательно, следуя нормам современного синтаксиса, мы вправе "предвосхищать" конструкцию с косвенной речью, в которой сохраняется значение 3 лица.

Конечный протокол включает в себя 1) анафорический элемент *в чем*, формирующий конструкцию СПП с присоединительными отношениями; 2) перформативный глагол *подписуемъ* (морфологическая форма 1 лица). Далее традиционная удостоверительная часть – собственноручные или по поручительству подписи адресантов. Таким образом, конечный протокол максимально формализован.

Срединная, свободная часть документа присоединяется подчинительным союзом *что*, после которого, однако, следует не косвенная, а "прямая речь" – от лица адресанта – *мы* (введем

---

* Подпись далее новым почерком.

современную пунктуацию, выделим скрепы предикативных частей и грамматические основы, укажем границы и номера частей):
... мы сего числа отпущены в дома свои (1) | С, а когда мы будем спрашиваны своеи братиею, таковым же выпишнымъ, в город на смену j (от чего боже сохрані!) на нечаенной случаи (2) | С, то мы (3) | какъ скоро услышим повеску (4) | С, то в самую ти минуту къего высокоблагородию явимся в самой скорости (3) |. Синтаксический "каркас" данной части может быть представлен следующим образом:

[1 мы отпущены] а [3 мы явимся]
          когда, то /   \   какъ скоро, то
(2 мы будем спрашиваны)   (4 услышим)

Синтаксическая конструкция с сочинительной связью (1–3) и реализацией модели одночленного соподчинения (2–3–4) характеризуется определенной "избыточностью" связности: это и формальные показатели связи (*то*), и семантические отношения уточнения момента времени, возникающие между 2 и 4 предикативными частями. Анализ источника в целом приводит к выводу о том, что ни одна предикативная часть в нем не может быть представлена как самостоятельное предложение. Таким образом, текстовое пространство данного документа – это одна сложная синтаксическая конструкция, в отношении которой, как нам представляется, не применим термин *текст* в современном грамматическом его толковании – синтаксической единицы, состоящей, как правило, из нескольких, в том числе простых, предложений. Наблюдения над тюменскими рукописными документами второй половины XVIII в. свидетельствуют, что в них почти нет самостоятельного простого предложения как отдельной синтаксической единицы. Единичные простые предложения – это, как правило, затекстовые пометы, в частности – рукоприложения (как в подписках выше), но и они семантически неполные: ср. указательное местоимение *сей* – к *сей подписке*.

Таким образом, теоретическая значимость изучения памятников деловой письменности определяется их актуальностью в историческом контексте, новизной вводимого в научный оборот материала, позволяющего ставить и решать новые исторические, филологические и культурологические задачи как описательного, так и сопоставительного характера. Наблюдения над жанрообразующими особенностями рукописных документов позволяют сделать вывод о соотношении текстового инварианта и варианта в структуре конкретной реализации делового дискурса и включиться в разработку проблематики формализации деловой письменности

сти в общегосударственном масштабе делопроизводства и документообращения.

---

¹ Колесов В. В. *Философия русского слова*. СПб., 2002. С. 220.

² Майоров А. П. *Функционально-стилистическое переосмысление славянизмов в деловом письме XVIII в.* // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. М., 2004. С. 365–366.

³ Зиновьева Е. И. *Языковая картина мира и инвариантная часть национального русского языка* // *Русский язык на рубеже тысячелетий*. Материалы Всерос. конф. 26–27 октября 2000 г.: В 3-х т. Т. 2. Динамика синхронии. Описание русского языка как этнокультурного феномена. Язык художественной литературы. СПб., 2001. С. 391–393.

⁴ Конявская С. В. *Древнерусская словесность и понятие дискурса* // *Аванесовские чтения*. Междунар. науч. конф. 14–15 февраля 2002 г. Тезисы докл. М., 2002. С. 149.

⁵ Зиновьева Е. И. *Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков: Структура. Лексика. Фразеология*. СПб., 2000. С. 116–119.

⁶ Попова Т. И. *К вопросу о системе дискурсов в современном русском языке* // *Русский язык на рубеже тысячелетий*. Материалы Всерос. конф. 26–27 октября 2000 г.: В 3-х т. Т. 2. Динамика синхронии. Описание русского языка как этнокультурного феномена. Язык художественной литературы. СПб., 2001. С. 46, 48.

⁷ Анисимова Т. В. *Типология жанров деловой речи (риторический аспект): Автореф. дис... д-ра филол. наук*. Краснодар, 2000. С. 9.

⁸ Сычков О. С. *Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем): Автореф. дис... канд. филол. наук*. Волгоград, 2000. С. 1.

⁹ Бахтин М. М. (Под маской). *Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: Статьи*. М., 2000. С. 408.

¹⁰ Качалкин А. Н. *Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. 2: Филологический метод анализа документов*. М., 1988. С. 19.

¹¹ Румянцева М. Ф. *Исторические источники XVIII – начала XX века* // *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории*. М., 1998. С. 319, 323.

¹² Смирнов М. Н. *Некоторые замечания о дипломатическом анализе частного документа* // *Историческое обозрение: Сб. Исторического Общества при Императорском Петроградском университете*. 1916. Т. 21. Сб. статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 32, 33.

¹³ Там же. С. 53, 54.

¹⁴ Тарабасова Н. И. *О некоторых особенностях языка деловой письменности* // *Источниковедение и история русского языка*. М., 1964. С. 164.

¹⁵ Смирнов М. Н. *Указ. соч.* С. 45.

¹⁶ Лаппо-Данилевский А. С. *Очерк дипломатики частных актов: Лекции, читанные слушателям “Архивных курсов” при Петроградском Археографическом Институте в 1918 г.* Пг., 1920. С. 164.

¹⁷ Глинкина Л. А. *О языке провинциальной канцелярии на одной из восточных окраин России XVIII века* // *Аванесовские чтения: Междунар.*

науч. конф. 14–15 февраля 2002 г. Тезисы докл. / Под общ. ред. М. Л. Ремневой и М. В. Шульги. М., 2002. С. 69, 70.

¹⁸ Глинкина Л. А. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. I–IV: Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / Под общ. ред. Л. А. Глинкиной. Челябинск, 2000–2001.

¹⁹ Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг.: Книга I. Аннотированный хронологический указатель рукописных материалов царствования Екатерины Второй из фондов Государственного архива Тюменской области. Тюмень, 2001; Книга II. Памятники тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.: Из фондов Государственного архива Тюменской области. Тюмень, 2002; Книга III. Тюменские рукописные деловые тексты 1762–1796 гг. в аспектах лингвистики и документоведения: Лингвистический анализ текста. Тюмень, 2002.

В. П. Андронов, Л. Н. Тарасова,

О. О. Полякова, С. И. Соболев

РОЛЬ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ПОЗИЦИИ В ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ СУБЪЕКТА

Современная отечественная психология переживает этапный момент своего развития. С одной стороны, психология перестает быть просто академической наукой и все более становится по-длинно практико-ориентированной дисциплиной, призванной решать конкретные человеческие проблемы в различных сферах жизни. С другой — становится все более очевидным кризисное состояние современной “психологии психики” (как называют ее ряд авторов), редуцирующей человеческую психику к отражению сознанием объективной, противостоящей человеку реальности и его адаптации к миру, а самого человека расщепляющей на набор функций, свойств, процессов, состояний и пр. Психическое отщепляется и как отражение действительности, и как отношение к ней, и как функция мозга, и как регулятор поведения, деятельности и общения, как природное и социальное, как сознательное и бессознательное. Возникая как феномен жизни, оно достигает высот творчества, самосознания и духовности. Психология, как указал еще С. Л. Рубинштейн, “не может ограничиться абстрактным изучением отдельных функций; она должна, проходя через изучение функций, процессов и т.д., в конечном счете приводить к действительному познанию реальной жизни, живых людей”. В. П. Зинченко еще в 90-х гг. обратил